

Д Ж У Ш И Д Ю В Е Р

НЕВЕСТА

ЦЕПЛА

Джули Дювер

Невеста пепла

<https://litres.ru/73993099>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я должна сгореть, чтобы выжить.

Жених сжёг мою мать, чтобы получить её силу. Пятнадцать лет он ждал, чтобы забрать мой огонь.

Тот, кто поклялся защищать, видит во мне лишь оружие.

Я последняя в роду Огнеслав, последняя, в чьей крови спит огонь.

Мой дар не благословение, а проклятие. Пламя, что течёт в крови, убьёт меня, если я не разделю его с мужчиной.

Но древний огонь Симаргла не терпит предательства и знает цену любви. Скоро огонь прорвётся. Мне придётся выбрать того, кто не побоится сгореть. Иначе пламя, что течёт в моей крови, убьёт нас всех.

Джули Дювер

Невеста пепла

Глава 1

Глава 1

Пролог

Пятнадцать лет назад.

Портьера пахла нафталином и мамиными духами. Сладкий, с горчинкой запах тянул за ребра.

Я зажимала рот рукой. Ладонка липла от леденца, который мать сунула перед тем, как уйти к этим людям. Я вспомнила, как её сухие, прохладные пальцы коснулись моей щеки и сжались на секунду дольше, чем нужно для простого «сиди тихо». Велела сидеть тихонечко и не высовываться. Я так и сидела тихо-тихо. Я ведь хорошая.

Ножки затекли стоять на каменном полу. Холод поднимался от плит, пробирался под платье, сводил икры тупой болью. Я переминалась с ноги на ногу. Тихо, чтобы не скрипнули туфельки. Хотелось пойти попить, но нельзя, мама же рассердилась бы.

В щель между портьерой и стеной виднелся зал.

Много мужчин в тяжелых шубах. Свечи горели неровно, пламя дергалось от дыхания толпы. В центре, в каменном круге, стояла мать. Белое платье волочилось по грязному полу. Ткань собралась в серые разводы, намокла.

Князь сидел на резном кресле у стены. Соболья шапка в руках, золотая гривна на шее тяжело блестела в свете свечей. Лицо усталое, жесткое. Командирское.

— Начинайте, — велел коротко. — Время не ждет. Враг у Спорных земель.

Великий Волхв поклонился. Рядом с ним стоял старый боярин, отец Олега. Лицо серое, руки трясутся мелкой дрожью.

— Княже, — голос у боярина сел. — Позволь слово молвить. Перед обрядом.

Князь кивнул.

Боярин шагнул к матери. Остановился в двух шагах, не ближе. Низко поклонился, в пояс.

— Дария, я... — он запнулся, сглотнул. — Тридцать пять лет назад я струсил. Должен был принять огонь твоей тетки. И не принял. Она сгорела из-за меня. Моей трусости.

Толпа бояр за стеной затихла. Кто-то ахнул.

— Я носил этот позор всю жизнь, — продолжил боярин. Голос дрожал, но он держался. — Сын мой носит. Проклятие на нас легло. Медведями не оборачиваемся, силу предков потеряли. Род хиреет. Земли сохнут. Дети родятся слабыми.

Он поднял голову, посмотрел матери в глаза. Кадык дёрнулся, туда-сюда.

— Я не прошу прощения. Мне его нет. Но сегодня мой сын примет огонь. Не отступит. Я заставлю. Я, я умру, но он примет.

Мать молчала. Смотрела на него спокойно, без злости.

— Твой сын тогда был ребенком, — сказала тихо. — Пять лет назад. Я ждала. Он не пришел.

— Он был ребенком, — эхом отозвался боярин. — Сейчас — мужчина. И воин.

Олег стоял у колонны. Бледный до синевы, руки сжаты в кулаки, костяшки белые. Смотрел на мать и не моргал. Будто боялся, что моргнет, и она исчезнет.

— Во мне нет огня, — сказала мать. — Никогда не было. Ни в двадцать лет, ни сейчас. Я пустая.

Великий Волхв покачал головой:

— Кровь не врет, Дария. Ты последняя в роду Огнеслав. Дар спит в тебе. Глубоко. Но он есть.

— Я бы чувствовала.

— Не всегда. Иногда дар хоронится, если знает, что небезопасно. Твоя мать прятала тебя, берегла. Может, и дар приучила скрываться.

Мать молчала. Неосознанно провела ладонью по животу, будто пыталась нащупать то, чего не ощущала. Пальцы сжали складку платья, смяли, отпустили.

Князь поднялся с кресла. Подошел к матери. Близко,

властно остановился рядом.

— Дария. Я не торгуюсь и не прошу. Я приказываю. Война на пороге. Княжество кровью истекает. Спорные земли горят. Нам нужна сила твоего рода. — Голос жесткий, как лезвие. — Если в тебе есть искра, она будет разбужена. Если нет, то мы уйдем. Но попытаться обязаны. Это не мой каприз. Это выживание.

Мать подняла на него глаза.

— А если я сгорю?

Князь помолчал. Сжал соболю шапку в руке, и мех хрустнул.

— Тогда твоя дочь останется сиротой. Я позабочусь о ней. Дам кров, еду, защиту. До совершеннолетия. И дальше, если она захочет. Слово князя.

Мать смотрела долго. Потом перевела взгляд на Олега.

— Ты примешь? — спросила тихо. — Не отступишь?

Олег шагнул вперед, выходя из тени колонны. Встал так, чтобы она видела его лицо.

— Приму, — сказал твердо. — Клянусь кровью. Клянусь родом. Клянусь медведем, который во мне спит. Я не отступлю. Ни перед огнем, ни перед смертью. Я приму твой дар.

Мать кивнула.

— Делайте, что должно.

Великий Волхв поднял руки. В них появился мамин золотой гребень, тот самый, которым она расчесывала меня по утрам.

— Кровь к крови, — заговорил волхв нараспев. — Род к роду. Огонь Симаргла спит в земле, в камне, в воде и в крови. Пробудись, искра древняя. Выйди на свет. Отзовись на зов крови.

Он провел гребнем по маминым волосам. Раз. Другой. Ничего. Мать стояла неподвижно.

— Я же говорила, — прошептала она.

— Тише. — Волхв провел снова. — Третий раз.

Воздух вокруг матери дрогнул. Чуть-чуть. Самую малость.

— Есть, — выдохнул волхв. — Искра есть. Спит глубоко. Но есть.

Князь подошел ближе. Положил руку на плечо Олегу.

— Готовься, парень. Сейчас твой час.

Отец Олега стоял в стороне, вцепившись в посох так, что пальцы побелели. Губы шевелились без звука. Может, молился, может, проклинал себя.

Великий Волхв провел гребнем еще раз. Заговорил громче:

— Огонь Симаргла, что в небе горел, что на землю упал, что в крови затарился. Проснись! Кровью предков заклинаю, кровью рода призываю, кровью князя утверждаю!

Он полоснул себя по ладони ножом. Брызнула кровь, упала на каменный круг. Капли впитались в серый камень медленно, как в сухую землю. Князь шагнул вперед, протянул руку. Волхв мазнул ножом по его ладони. Князь даже не

дрогнул. Кровь закапала на камни рядом с кровью волхва.

— Кровь власти! — возгласил волхв. — Кровь правды!
Кровь княжеская, что за землю отвечает!

Он повернулся к Олегу:

— Твоя очередь, парень. Кровь рода, что принять должна.

Олег без страха протянул руку. Волхв полоснул. Олег не вздрогнул, только зубы сжал. Желваки прокатились под кожей. Кровь закапала на камни, смешиваясь с кровью князя и волхва.

— Три крови воедино! — голос волхва взлетел под своды.

— Власть, род и вера! Огонь, отзовись!

Он резко, сильно провел гребнем по маминым волосам в последний раз. Мать вскрикнула. И замерла. По венам на ее руках побежал свет. Не золотой, а белый, как молоко на солнце. Сначала тонкими нитями, потом шире, ярче. Свет пульсировал, разгорался, кожа становилась прозрачной. Стало видно, как огонь течет под ней, ищет выход, рвется наружу.

— Принимай! — крикнул волхв Олегу. — Руки вперед!
Держи! Как только огонь прорвётся, забирай половину!

Олег шагнул к матери. Встал вплотную. Ладонями вверх протянул руки, прямо к ее груди, туда, где свет горел ярче всего.

— Я здесь, — сказал тихо. — Я приму. Давай.

Мать смотрела на него. Свет разгорался все сильнее, ярче, невыносимее.

— Давай, — повторил Олег. — Я держу. Я не уйду.

Огонь под кожей матери заметался. Он рвался наружу. К его рукам, к его ладоням, к его готовой принять крови. Но не шёл. Олег стоял, протянув руки. Свет бил из матери, жег ему лицо, руки, грудь. Одежда начала тлеть. Запахло паленой шерстью. Волосы на висках затрещали, скручиваясь в чёрные колечки. Он не отступал.

— Приди! — закричал он. — Я здесь! Я приму! Приди!

Огонь заметался сильнее. Он бился изнутри о кожу матери, искал выход, но не находил. С каждым ударом он становился ярче, горячее, отчаяннее. Мать закричала. Крик пошел высокий, тонкий, переходящий в хрип. Олег рванулся к ней, обхватил руками, прижал, пытаясь принять огонь через касание, через кожу, через кровь.

— Иди ко мне! — орал он. — Иди!

Огонь жег его. Прожигал рубашку, кожу, мясо. Волдыри вспухали на предплечьях, лопались, из них сочилась влага. Олег шипел от боли, но не отпускал. Держал. Сладковатый, тошнотворный запах горелой плоти ударил в ноздри. Он её не отпускал. Я видела его красные руки. Они вжимали маму в него так сильно, будто он хотел забрать её внутрь себя. Мне стало страшно. Он смотрел на маму не как на человека, а как на вещь. Как на огонь, который должен быть его. Я не знала таких слов тогда, сейчас понимаю. Но животу тогда холодно. Так холодно, будто я проглотила лёд. А огонь не шел.

Он не мог прорваться наружу. Время ушло. Пять лет на-

зад, когда матери было двадцать, дар должен был проснуться, но не проснулся. Он умер тогда, внутри нее. А сейчас его пытались воскресить, и тело матери стало могилой, из которой огонь не мог выйти.

— Не могу, — прохрипел Олег. — Не идёт. Почему не идет?!

Великий Волхв побелел:

— Время упущено! Пять лет назад нужно было! Сейчас огонь замкнется внутри!

— Нет! — Олег тряс мать за плечи. — Давай! Иди ко мне! Иди!

Мать смотрела на него. В ее глазах не было боли. Только усталость. И странный покой.

— Ты хороший, — прошептала она. — Ты правда хотел. Я вижу.

— Я не хотел! — выкрикнул Олег. Слезы текли по обожженным щекам, попадали в трещины на губах. — Я хочу! Я сейчас хочу! Прими меня! Дай мне принять!

— Не могу, — голос матери слабел. — Огонь не идет, потому что ты хочешь владеть, а надо гореть.

Свет под кожей пульсировал. Раз, другой, третий. Быстрее. Еще быстрее. Грудная клетка матери ходила ходуном. Ребра проступали сквозь платье, как у загнанной птицы. Олег прижимал ее к себе, плакал, орал, тряс. Все бесполезно. Огонь жег его, калечил, убивал, но не переходил. Не мог.

— Сгореть? — повторил Олег. — Что значит сгореть? Я

не хочу гореть! Я хочу владеть огнем! Я имею право! По крови имею! По заручинам!

Мать покачала головой.

— Не владеть, гореть. Вместе. — Шепот совсем тихий. Из уголка губ потекла розовая от лопнувших сосудов слюна. — Один огонь на двоих, тогда не сгоришь...

— Я не понимаю! — закричал Олег. — Я не понимаю, что ты говоришь!

— Поймёшь, когда придёт твоя... — мать повернула голову. Посмотрела на портьеру. На меня.

Я видела её лицо крупно, как в окне. Ресницы слиплись от пота. На верхней губе алела капелька крови. И глаза. Они были не белые, не красные, а золотые. Как тот свет, что тёк по её венам.

— Мама, — прошептала я.

Она улыбнулась.

— Не бойся. Огонь Симаргла, он один на двоих.

Я зажмурилась. Тишина. Потом звук — ш-ш-ш-ш-ш — и сразу хлоп. Короткий, как лопнувший бычий пузырь.

Я открыла глаза. Мать стояла в руках у Олега. Целая. Свет погас. Она повернулась ко мне. И рассыпалась.

Пепел оседал на камни медленно, нехотя, пылью, в которую превратилось белое платье, руки, лицо, улыбка. Она падала на Олега, покрывала его с головы до ног. Серая взвесь стояла в воздухе, оседала на свечах, на шубах бояр, на золотой гривне князя.

Олег упал на колени. Руки все еще держали пустоту, в которой только что было ее тело. Он смотрел на пепел на своих ладонях.

— Не принял, — голос Великого Волхва был мертвым. — Время ушло. Огонь не смог прорваться наружу. Сгорела.

Тишина в зале стояла такая, что уши закладывало. Свечи перестали дёргаться. Пламя вытянулось в ровные столбики, будто воздух умер. Князь поднялся с кресла. Подошел к пеплу, остановился в шаге. Снял шапку.

— Упокой душу ее, Симаргл, — сказал негромко. — Прими огонь, что не нашел выхода.

Помолчал. Повернулся к волхву:

— Где девочка?

Волхв указал на портьеру:

— Там. Пряталась все время.

Князь шагнул ко мне. Я зажмурилась, вжалась в стену. Камень холодил спину даже сквозь платье.

— Выходи, — голос не злой. Усталый. — Не трону.

Я не двигалась. Князь дернул портьеру сам. Кольца взвизгнули по карнизу. Я стояла перед ним, совсем маленькая, в мокрых штанишках, с трясущимися губами. В руке все еще зажат леденец, он растаял и липкий сок испачкал всю ладонь. По ногам потекло сначала теплое, а потом сразу холодное. Князь смотрел долго. Потом обернулся к старому боярину:

— Забирай. Вырастишь. Через пятнадцать лет она пона-

добится твоему роду.

Боярин шагнул вперед. Лицо серое, руки трясутся. Протянул ко мне ладонь.

— Пойдем, девочка.

— Не отдам!

Голос ударил со стороны дверей. Резкий, женский, с хрипотцой. Бабушка. Она вошла в зал, такая маленькая, сухонькая, в темном платке. Шла быстро, не глядя на расступающихся бояр. Каблуки выстукивали по камню, цок-цок-цок, как гвозди забивали. Подошла ко мне, заслонила спиной.

— Не отдам, — повторила. — Княже, слово молвить дозволю.

Князь нахмурился, но кивнул. Бабушка выпрямилась. Плечи развернула, подбородок задрала, и из маленькой старухи вдруг стала выше на голову. Голос зазвенел:

— Тридцать пять лет назад моя старшая сестра сгорела. Из-за его подлости. — Она ткнула пальцем в отца Олега. Тот побелел еще сильнее, но промолчал. — Она была первородной кровью. Главной ветвью. Истинной Огнеславой. Когда она сгорела, то огонь ушел. Потому что некому было принять.

Бабушка перевела дух. Грудь ходила ходуном под темным платком.

— Моя дочь — из младшей ветви, не огненной, из запасной. В ней огонь спал, потому что должен был спать. Потому что настоящий огонь сгорел тридцать пять лет назад. А то,

что вы пытались разбудить сегодня, это даже не искра была. Тень искры. Отблеск.

Великий Волхв слушал, не перебивая. Лицо задумчивое.

— Если её забрать в чужой род, — продолжала бабушка, — если растить под рукой тех, кто погубил нашу кровь, то огонь никогда не проснётся. Он спрячется так глубоко, что и тень его не найдёте.

Она повернулась к князю:

— Княже. Оставь девочку мне. Я выращу ее в нашем роду. Когда придет срок, через пятнадцать лет, она сама сделает выбор. Примет огонь или нет. Но если его будут пытаться вырвать силой, как сегодня, то он сгорит, даже не родившись. И род Огнеслав прервется навсегда.

Князь молчал долго. Смотрел на меня. На бабушку. На пепел матери, все еще лежащий на камнях. Ветер от дверей качнул серую пыль, и она поплыла над полом, закрутилась маленькими вихрями. Потом кивнул.

— Будь по-твоему.

Отец Олега дернулся:

— Княже! Заручины! Род должен.

— Заручины твой род нарушил тридцать пять лет назад, — оборвал князь. — Не тебе о них напоминать.

Боярин заткнулся. Зубы клацнули, так резко он захлопнул рот. Князь шагнул к волхву, взял из его рук золотой гребень. Мамин гребень, еще теплый, еще хранящий запах ее волос. Протянул бабушке.

— Передашь, когда придет срок. Пусть огонь сам решит, кому гореть.

Бабушка приняла гребень. Поклонилась низко.

— Спасибо, княже.

Она взяла меня за руку. Пальцы у нее были сухие, горячие, как птичья лапка. Повела к выходу. У дверей я обернулась.

Олег все еще сидел на коленях в пепле матери. Смотрел на свои обожженные руки. Он перебирал ими воздух. Медленно, беззвучно, будто учил пальцы новому языку. В груди ёкнуло, не в сердце, глубже, там, где рёбра сходятся, где боль не должна жить. Но она тлела. По лицу Олега текли слезы. Капли пробивали дорожки в серой пыли, осевшей на щеках. А потом он поднял голову. Посмотрел на меня. И в этом взгляде не было горя. Не было жалости. Ни ко мне, ни к себе. Было совсем другое. Холодное. Тяжелое. Как дверной засов, который задвигают изнутри.

Сейчас, спустя пятнадцать лет, я знаю, что это. Он запоминал. Он считал. Он уже знал, что я буду принадлежать ему. По праву. По крови. По заручинам. Но тогда, в пять лет, я не понимала этого. Я просто почувствовала холод. Он шёл от его глаз, такой лютый мороз, что заболел живот.

Я отвернулась и прижалась к бабушкиной руке. Уткнулась носом в жесткую шерсть платка, которая пахла дымом и сухой полынью. Полынь. Горькая. Пахла так же, как пепел матери, когда он осел у меня на губах и я попробовала его язы-

ком, сама не зная зачем. Горький. Сухой. Как этот день.

...Я открыла глаза.

Потолок. Знакомый, с трещиной в углу. Серое пятно сырости расплзлось от угла к центру за зиму. Своя комната. Своя кровать. Простыня была мокрая. Подушка мокрая. Ткань липла к шее, к спине, к сгибам коленей. Пот медленно стекал по позвоночнику. Холодно, как чужой палец. Глухо ныло между лопатками, тяжело, как будто там, под кожей, лежал камень, который ворочался всю ночь и никак не мог улечься.

Сердце билось в горле, и я чувствовала вкус. Железо. Пепел. Страх. Вкус пепла все ещё лежал на языке, горький, сухой, и не сглатывался. Сухой, шершавый язык прилип к нёбу. Руки тряслись. Пальцы мелко дрожали, не слушались.

За окном ещё темно. Но край неба уже серел. Я смотрела на этот блеклый свет и думала. Он сейчас тоже спит? Ему снятся мои сны?

Я села. Свесила ноги с кровати. Половицы под босыми ступнями казались не просто прохладными, а студёными, как камень в тени. Подошвы прилипли к дереву. Одна доска знакомо скрипнула, всегда в одном и том же месте. Она скрипела здесь всю мою жизнь. Как и страх. Рядом с кроватью, на стуле, лежал золотой гребень. Бабушка положила его

туда пятнадцать лет назад, в первый же вечер. Сказала:

— Пусть рядом спит. Может, огонь услышит, что дома.

Я протянула руку. Провела пальцем по зубцам. Холодный. Всегда холодный. Но сегодня он обжёг. Не жаром, опять лишь холодом. Как приговор. Металл не помнил маминых рук. Или помнил, но не хотел отдавать тепло. Никому. Двадцать лет мне через месяц.

Если не выпустить огонь, то останусь больной навсегда. Род прервется. Болезнь уже близко. По утрам немеют кончики пальцев, а иногда в груди замирает, будто сердце забывает, как биться дальше. Если отпустить, то чужой род должен забрать половину огня. Иначе сгорю, как мать.

Мать сказала, что истинный не тот, кто владеет, а тот, кто горит с тобой. Олег не сгорел. Он выжил. Он остался. Шрамы от ожогов стянули ему руки, но он остался. Значит, он, возможно, не истинный, но он так не считал.

Я сидела на кровати. Тяжелый, равнодушный гребень лежал на ладони. Я вспомнила, как мать расчесывала мои волосы этим гребнем. Медленно, от корней к концам, приговаривая: «Пусть огонь в тебе спит, но не мерзнет». Я не понимала тогда, о чём она. Понимаю сейчас. Слишком поздно. За окном медленно наливался светом край неба. Далеко, у реки, прокричала первая птица. В дверь постучали.

— Барышня Агнесия! Просыпайтесь! Там от боярина Олега Беренского человек приехал. Дары привёз. С самого рассвета дожидается.

Голос служанки такой отвратительно бодрый. Не знающий про пепел во рту, про взгляд, который запомнил меня пятнадцать лет, про приговор, который ждал рассвета. Я не ответила. Смотрела на дверь, на старую, медную, с зелеными пятнами задвижку. Задвинута. Задвинута. Но ненадолго.

Пятнадцать лет он ждал. Пятнадцать лет он помнил пепел матери на своих руках и мое лицо в проеме дверей. И все эти годы он скорее думал не о том, как она сгорела. А о том, что он имел право на ее огонь. И не получил. И теперь я последняя. Последняя, кто может дать ему это право. Или отказать.

Я положила гребень обратно на стул. Поднялась. Мокрая простыня сбилась на кровати, скрутилась жгутом. Я уловила запах, когда шевельнулась. Свой. Ночной. Пот, страх и ещё то, чему нет названия. Так пахнет клетка, когда зверь знает: сегодня его выпустят.

Рассвет уже тронул край неба. Свет розовый, потом золотой, потом белый. Ветка яблони за окном качнулась от первого ветра, стукнула мокрой листвой по стеклу. Мокрой. Ночью был дождь. Я не слышала. Сон забирал всё, даже дождь.

Я стояла посреди комнаты. Руки перестали дрожать. В груди сжался то ли страх, то ли другое. Как будто там, под рёбрами, разжался чужой кулак. Медленно. Нехотя. Пора.

— Барышня Агнесия! — снова позвали из-за двери.

Я подошла, положила ладонь на задвижку. Медь стала тёплой, нагреваясь от моей ладони.

Пора. Я отодвинула засов.